

ЕВГЕНИЙ РОШАЛЬ, АРКАДИЙ МОСКАЛЁВ

ТИПА ГУРУ

(По следам одного интервью)

*А не замануться ли нам на Вильяма,
понимаешь, нашего Шекспира?*

к/ф “Берегись автомобиля”

Quoi (куда)? — Тоi (туда)!

Эротический КВН-скетч
от команды ДнГУ

Будет справедливо утверждать, что с определённых пор кино от Павла Лунгина – уже не столько продвинутый бренд, сколько зримый, осязаемый, вполне повседневный фактор культурной, да и политической, жизни российского общества. Это, кстати, далеко не каждому дано и уже само по себе оправдывает уважительный и одновременно пристальный интерес к создателю “Свадьбы”, “Острова” и ряда других резонансных картин. Естественно, и общество, со своей стороны, вправе рассчитывать на выверенность собственных оценок Павла Семёновича по актуальным, в том числе болевым, точкам российского бытия, на их заточенность под обоюдоострый диалог – уже хотя бы в силу длительного нахождения знаменитости в перекрестье мировоззренческих “прицелов”. Понятно, лучшие ответы на возможные сакраментальные вопросы – это сами фильмы. Но когда зрительские оценки творчества заведомо полярны, а само оцениваемое творчество де-факто спроецировано на политическую злобу дня, тогда проявляемый непосредственно к автору интерес уже, пожалуй, – не совсем “любопытство” и не вполне “праздное”.

Надо сказать, что и со своей стороны Павел Лунгин не прочь при случае отметить в виртуальном пространстве (интернет, телевидение) – и именно на предмет позиционирования собственных точек зрения по тем или иным вопросам. В этой связи значимым событием смотрится интервью с участием журналиста Александра Мельмана, опубликованное в “Московском комсомольце” 21 марта 2012 года под названием “Сам себе режиссёр”. Здесь в контексте выхода на экран нового своего фильма “Дирижёр” Павел отзывается на проявления зрительского интереса к своему творчеству, кроме того характеризует страну и общество как факторы своей профессиональной и политической деятельности – наконец, здесь же он делится переживаниями личного характера в отношении безвременно ушедших родителей и собственного жизненного опыта. Вот с этих личностных обстоятельств и хотелось бы начать,

при том что с самим Павлом два последних года школы мы проучились в одном классе, а обоих его родителей знали лично.

Надо сказать, что Пашка (тогда именно так!) являлся фактически крепким, кряжистым еврейским хлопцем (“евреец” — как он о себе шуточно отзывался), который прочно, основательно располагался на ногах, но был способен, при случае, и быстро сбегать, и шустро сплывать. При этом он в общении зачастую фигурировал не как Пашка, а как “Вася”: таких друзей-приятелей, называвших друг друга “Васями”, в классе было трое. Ещё он, на нашей памяти, старался в обычных разговорах говорить сугубо по делу, избегать пустого словоблудия и т. п.; при этом он же — что отличало его от всех нас и было предметом тайной зависти многих — в совершенстве владел французским (плод, надо полагать, маминого воздействия). Он и одного из нас (Е. Р.) целый год “мониторил” в этом вопросе, дав напрокат продвинутый самоучитель, ставя при случае произношение и прочее. Просторный дом их, где мы (хлопцы “не-еврейцы”) в меру оттягивались и балбесничали, являлся по сути умеренно-оппозиционным салоном, где на видном месте располагалось фото известного писателя-диссидента Виктора Некрасова и куда охотно заходил (на предмет “потоптаться” на советской власти) тогдашний диссидентствующий бомонд. Лилиана Зиновьевна (мама “еврейца”) — подтянутая, порывистая в движениях, конкретно обаятельная дама — отличалась тем, что ещё более Паши говорила без словоблудия и по делу, при этом опять же конкретно во всё вникала — как итог всё в семье, похоже, держала под своим “подтянуто-порывистым” контролем. Сами мы, в частности, обязаны ей тем, что она (светлая память!) настоятельно рекомендовала нам, тогда ещё 21-летним недообразованцам, прочитать “Бесы” Достоевского и “вообще, побольше читать Гоголя”.

Внимательно прочитав МК-интервью, мы прежде всего убедились в том, что усвоенный с младых ногтей вербальный стиль Павла (стараться говорить по делу и т. д.) особо никуда не делся. Заметным однако же стало и то, что обретенный им со временем профессионализм сказался и на риторике: ощутил некий второй план за всем сказанным — благодаря присутствию, скажем так, фигур речи (мифологемы, приукрашивания, необязательные с виду отвлечения и т. п.) и одновременно фигур умолчания (в контексте обсуждаемого диалога — уходы от прямых ответов и недосказы).

И ещё один аспект, опять же существенный для понимания нюансов. Предваряя диалог, А. Мельман охарактеризовал Лунгина “ещё и мудрецом”. Видимо, Павел в своё время давал соответствующие поводы, но мы, к примеру, ничего подобного в тексте не отметили (хотя сам по себе вкус Лунгина к “размышлизму” — весьма ощутим). Что, однако, действительно привлекло внимание в плане экскурсов личностного и философского плана, так это мрачный психологический фон — симптом, несколько неожиданный для внешне успешного, обласканного сюзеренами и поощряемого всемудрой Совой киношного мэтра. Не то чтобы надрыв, но определённю тоска, усталость и апатия проступают в следующем, например, откровении: “Вообще жизнь — тяжёлое испытание. Даже те, кто говорит, что прожили счастливую, благополучную жизнь, на самом деле... врут себе, другим. В каждом из нас есть или обиженный сын, или жестокий отец. В нас сидит тот, кого предавали, кто сам предавал”.

Стоит добавить, что мрачные эти сентенции, на грани покаяния, де-факто оказались в поле зрения не сами по себе, а в контексте обсуждения “Дирижёра”. Думается, данное обстоятельство своего рода знак того, что новый фильм, при всей его внешне отстранённой атрибутике (Палестина, дирижёрство и т. д.) для самого Павла, напротив, глубоко личен — как боль или крик. Подозреваю, что “Дирижёр” при этом сделан и как своего рода реквием по ушедшим в иной мир матери и отцу — Семёну Львовичу. С учётом этих деликатных моментов мы предпочли бы не поднимать здесь тему данного фильма. Что же касается упомянутого в интервью сериала “Подстрочник” (автор О. Дорман) с моноучастием в нём Лилианы Зиновьевны, можем лишь сожалеть, что картина получилась не в меру затянутой, а саму мать Павла неоправданно представили в мировоззренчески смещённом, этно-элитарном (скажем так) ракурсе.

Не в пример личностной тематике разговор о социально-политических приоритетах реализовался в более “форумной” манере — с озвучиванием неоднозначных точек зрения и оценок; соответственно, для потенциального оппонента эта ситуация вправе смотреться как приглашение к экскурсии. Но прежде хотелось бы предложить читателю текстовую основу от Мельмана и Лунгина как таковую, притом что плавное течение диалога в ряде мест мы сопроводили необременительным (надеемся) курсивом — для поддержания дискуссионного тонуса.

“С кем вы, мастер культуры?” — бодро, с горьковским прищуром начинает Мельман. — (Лунгин) “Всем известно, что я с Прохоровым. Всё-таки я знаю его лично и знаю как очень порядочного, хорошего, позитивного человека, который искренне хочет приблизить Россию к Европе, хочет, чтобы Россия жила не по понятиям, а по закону. Общество должно иметь право выбирать”... (от авторов) *Что касается вопроса, мы бы и здесь и далее “вы”, “ваш” и т. п. давали бы, всё-таки, с большой буквы (уважаемый всё же человек, понимаешь). При всей риторичности прямого ответа (с кем же ещё, как известно?) Прохоров к месту введён в контекст как одна из тем возможного обсуждения.*

Читаем далее: (Мельман) “Что вы понимаете под обществом? Рассерженных столичных горожан? Но в России всегда было как минимум два общества. И одно из них, маленькое и креативное, никогда не понимало большую часть своих сограждан, то есть тот самый народ. Который теперь некоторые без зазрения совести называют быдлом и анчоусами”. — (Лунгин) “Да, в России, по сути, всегда было два народа. Есть большой народ, миллионов 120, который не может войти в современную жизнь, живет традиционными ценностями, переживает последствия 70 лет советской власти...”. — (Мельман) “Да что там советской власти — тысячелетней России!” ... (от авторов) *Тысяча лет впотьмах, “двести лет вместе”, семьдесят сообщца, двадцать в шоке... Ставим диагнозы. Свечи. Массаж. Гирудотерапия.*

И далее Лунгин: “...Но все больше и больше нарождается другое общество, которое входит в мир выбора, скорости, Интернета, свободы. И вот эти два общества обязательно нужно перемешать. Мы снова должны объединиться... Время идёт, и если раньше мы были обществом-ребёнком, то теперь, кажется, становимся подростком, а главный вопрос подростка: “Папа, ты меня уважаешь?” Именно это же звучало на Болотной площади” ... (от авторов) *В общем, как нам задружить Россию? Ответ “уехать в Куршевель или в Баден-Баден — неправильный... Что касается поскандировать на Болотной “Папа, ты меня уважаешь?” — это конкретный “свежак”.*

В контексте последующего разговора Лунгин вещает о состоянии общества: “...У большинства населения России проблема выживания, куска хлеба уже решена. И тогда люди начинают ставить вопросы второго порядка, более высокого, духовного, о смысле жизни... Процесс пошел. Перестройка-2. Помните, когда Горбачев открыл форточку — и рухнул дом?” — (Мельман) “Но мы же сейчас не хотим, чтобы рухнул дом?” — (Лунгин) “Конечно, и поэтому главная задача — проблема образования и культуры. Только образование и культура смогут соединить в России эти два народа, сплотить и создать общие ценности”... (от авторов) *“Когда я слышу слово “культура”, хватаюсь за арбалет”, — сказал Робин Гуд, кажется, Тилу Уленшпигелю. Что тут скажешь — темные люди! Не в курсе правильного слова — “культуртрегерство”.*

Далее Лунгин о том, как “у нас” и как “у них”: “...К сожалению, ужасную поверхностность и хамство рождает Интернет, цивилизация клика. Ты как бы одним кликом говоришь про другого человека: он идиот, подонок, негодяй. А это тоже по-своему отключение от думанья, анализа. Такое опрошение (? — Авторы) может завести общество в тупик. Но это проблемы глобальные, мировые. В Америке тоже какой-нибудь бензозаправщик из Техаса Спинозу никогда не читал, он так же смотрит сериалы по телевизору и эротику в Интернете. Но там с молоком матери внедрены универсальные ценности свободы, частной собственности. Поэтому в Америке даже самый тупой обыватель знает, что власть надо контролировать, иначе власть будет контролировать тебя. Это как раз то, что нам нужно”... (от авторов) *Просто наши, как водится, всё напутали: никогда не читали “мать”, а ценности внедряют с молоком Спинозы.*

Наконец, Лунгин о социальном предназначении творческой личности: «В человеческих обществах всегда было два лидера – вождь и шаман. Вождь – это воин, самый сильный, самый авторитетный. И был шаман, который не являлся самым быстрым, выносливым, не вел за собой массы. Он реагировал на вселенские бедствия, потопа, землетрясения, чувствовал это из-за своего невропатического болезненного одиночества. И такое его состояние выводило людей из беды... Так что мы с вами, Саша, наверно просто из шаманов, а не из вождей»... (от авторов) *Вожди, они нынче любимцы девушек – молодые, длинноногие и политически грамотные... Ну какое болезненное одиночество? Шаманом да при таком-то вожде – в самое яблоко!*

Вот, собственно, такова исходная диспозиция; или как у Максима Шевченко – «судите сами». Что же на наше «самосуждение», то сказанное – даже при известной аморфности, размытости формулировок – смотрится как вполне цельная, концептуальная установка на решение наиболее проблем страны. Если угодно – как Идиологема. Что в этом сказанном, однако, прежде всего бросается в глаза, так это отстраненность де-факто Павла Семёновича от всего того, что реально в стране кричит и корчится. Несмотря на обещанный (в преамбуле интервью) разговор «о сегодняшнем дне, о том, что до сих пор болит и будоражит», на поверку что-либо реально терзающее, реально ноющее если и присутствует, то сугубо в личном контексте, при том что ...наглое попрание законов в стране... разгул вседозволенности, аморальности и безнравственности... третьесортные американские фильмы, запредельная гнусь и мерзость на экране и в блогосфере... подростковая агрессивность, беспризорщина и преступность... циничное загаживание природы... убийства наших ученых «непонятно чьими» спецслужбами... запустение земли и безмолвное вымирание деревень (и т. д. и т. п. – на полстраницы)... – ну не будоражит!

Другое дело – сакральная (для истинного «шамана») задача слияния креативной части общества с большей по численности некреативной посредством окультуривания последней в духе первой с последующим наделением некогда некреативной части выбором, скоростью и свободой. Правда, не все здесь так уж гладко и однозначно – в том числе и с формулировками типа «креативное общество». Поди разберись, к примеру, кто на деле креативней – маститый театральный режиссер или простой водитель трамвая – это ведь на чей вкус. Опять же, вождельная культура креативного меньшинства – тоже вещь в себе: если при обретенном пиджин-инглише останешься без родного русского (а заодно и без любимца американских бензозаправщиков Спинозы) – так оно, может, и не надо.

Ну, а уж свобода (она же, кстати, возможность выбора) – и вовсе скользкая, своенравная штука, особенно ежели даруемая одними другим. Достаточно в этой связи вспомнить Меморандум 17 от Аллена Даллеса... Или как пресловутый Адольф надиктовал в 1942 году насчет того, что в пределах восточной зоны оккупации (то есть здесь, у нас) внутренней свободы должно быть больше, чем в фатерланде. Ну чем не нынешние хьюмэн райтс (по определению Людмилы Алексеевой – мадам «права человека»)?

При всей степенности суждений Павла Семёновича как-то оказалось не выражено напрямую: а что, собственно, являет собой этот малый (пардон! – чуть не сказали «народ») ...этот малый, но креативный ступок российского общества? Ну кроме того, разве, что численность его – если изловчиться на арифмометре – порядка 25–30 млн человек? Вообще, что за люди? – как откликнулся бы публичный «эсер» Алексей Митрофанов. То, что сам Павел Лунгин числит себя в рядах «креативного общества» и помаленьку там «шаманит» (на пару с Мельманом – «выводя людей из беды»), это ясно. Есть опять же – что касается митрофановских «людей» – и прямая ссылка на «порядочного, хорошего и позитивного» Михаила Прохорова. Правда, здесь же, в пределах локтевой связи, угадывается присутствие той же Примадонны, того же Ярмольника, Макаревича... *В общем, как говорится, смеркалось... Народ безмолвствует. Как Никита Михалков в монологах Ирины Прохоровой.*

Однако помимо конкретных персоналий имеются и еще вопросы – так сказать, по структуре. Ну например: насколько все 25–30 млн сосуществуют в единой социально-экономической «страте», никто ли не «высовывается»? Или наоборот: предусмотрены ли, скажем, какие ни на есть ступени посвящения – ежели захочется поближе к «свободе, равенству и братству»? И при этом – сло-

жились ли некое подобие элитарного ядра, мозгового центра, магистрата? И вообще, в этой же связи, — озвучивает ли Павел Лунгин свою идеологию (де-факто) от себя лично — как свободный художник — или, что называется, от “группы товарищей” (как говаривали в старину — пойдя “в народ”)?.. И что в ответ? Увы, как у “Битлз”, — по reply (в общем, тишина). Ясно только, что образец для подражания — благословенная, просвещенная Европа. Европа — потому как та самая, к которой Прохоров, согласно Лунгину, “искренне хочет приблизить Россию”. Та самая, которая в отличие от дремучей России живет “не по понятиям, а по закону”. Причем живет с особо продвинутой свободой слова — с той, кстати, самой, что в силу “особо продвинутых” законов гарантируется вполне конкретной посадкой за публичное отрицание Холокоста.

И все же, как бы то ни было, но, строго говоря, речь шла до сих пор именно о персональном мировоззрении, именно о личном восприятии действительности художником — умообразные образы, ощущения, полутона, схоластика творческого индивида... Однако параллельно и независимо имеют место реалии нынешней России, где полутона если и присутствуют, то выглядят иначе, где образы скорее конкретны, чем умообразны, а характеристика ключевого противостояния не обходится без термина “компрадорский капитал”.

Компрадор (исп.) — покупатель; этот же “покупатель” — собирательный образ той части нынешней российской элиты (соответственно, компрадорской буржуазии), которая ориентирована на “распил” национального богатства с последующим выводом активов за рубеж и которая при этом функционирует как посредник между иностранным капиталом и национальным рынком. Политически компрадорский капитал заинтересован в слабом коррумпированном государстве (проще грабить страну) и одновременно в обслуживании, насколько это возможно, геополитических императивов Запада — предъявляемых, опять же, к государству. В соответствии с этой своей природой компрадорскую буржуазию особо не “будоражит” тот беспредел, что залил собой страну; существенно больше ее волнует, к примеру, как бы нейтрализовать протестную энергию масс, а сами массы при минимальных на то затратах подгрести под себя, под свои видение и идеологию. Для нужного воздействия на массы как раз и требуется своего рода “идеологический отдел”, сферы приложения “разнарядок” которого именуются образованием, искусством и культурой.

Национальный капитал — в известном смысле антипод компрадорскому. По крайней мере он ориентирован на сильное национальное государство, на то, чтобы ресурсы шли на создание собственных производительных сил и при этом на развитие страны в целом. Соответственно, национальная буржуазия вынуждена активнее и предметнее, чем компрадорская, откликаться на реальные беды и насущные нужды страны. К слову, компрадорская и национальная буржуазии — не обязательно атрибуты именно капиталистических стран, колоний и т. д.: своего рода аналоги таковых имели место и в реалиях “победившего социализма”. Так, “условно компрадорский” капитал, ориентированный на банки Нью-Йорка (манхэттенская группа), представляла в Советской России линия Троцкого (интермедианты от США на начальном этапе, в частности, Уильям Томпсон и Раймонд Робине, позже “посол 37 года” Джозеф Дэвис), тогда как противостоящий ему капитал, “условно национальный”, представляла линия Сталина. В обстоятельствах фактической победы второй из линий (где-то к 1938 году) иллюзия неувязности “условно компрадорского капитала” в СССР искусственно поддерживалась для США вплоть до 1945 года, что, однако, вполне закономерно закончилось Фултоном, Кореей и последовавшей далее холодной войной. Так что — если всмотреться в “исторический процесс” — последовательный антисталинизм современной компрадорской буржуазии сам по себе более чем обоснован.

Нынешнее же обострение политической борьбы, де-факто приуроченное к выборам ГД и президента, имеет в основе своей очередную (и, похоже, более решительную, чем прежде) попытку отжать компрадорский капитал в лице соответствующей буржуазии от реальных рычагов управления страной, при том что основная воздействующая сила — национально ориентированный капитал — выступает здесь в достаточно широкой коалиции политических сил. Понятно, что подобная коллизия не могла (и дальше не сможет) оставить безучастными российские СМИ и российское общество в целом; столь же понят-

но, что и деятели искусства и культуры с обеих сторон заведомо не окажутся в стороне.

Возвращаясь к Павлу Лунгину, мы в свете сказанного выше отнюдь не утверждаем, что он своей политической деятельностью, своими публичными выступлениями и, наконец, своим творчеством именно обслуживает устремления отечественного компрадорского капитала. Ничего не говорим в этой связи и об аспектах финансирования, спонсорства и т. п. Ведь строго говоря, да кто его знает, зачем кто-либо что-либо говорит и что-либо делает... “Сны разума”... Завороты умственных кишков.

Но, вместе с тем, в отношении Павла мы не утверждаем и обратного (в смысле, обслуживает, и еще как!). Так что – с Вашего, читатель, позволения – пусть этот момент “обслуживания” останется за кадром – непросвещенным и неисследованным (действительно! – а оно нам надо?)... Единственное, на чем готовы вполне настаивать, – это на том, что Павел Семёнович духовно не вполне комфортно чувствует себя в нынешней социально-политической “соковарке”, даже в ипостаси признанного кинемэтра. А какова подноготная этого его дискомфорта, этого его “я мучающийся человек” (так в интервью) – да пусть он только сам и видит.

* * *

Внешне успешные “мученики” в креативной среде – на деле не такой уж эксклюзив. Так, культовый Джон Леннон, много что “впитавший с молоком матери” Джулии (в духе техасского бензозаправщика), к 30 годам (1971 г) конкретно озверел, вращаясь в среде британского бомонда. Как результат в песне “Дайте правды” этот самый ленноновский дискомфорт прозвучал таким речитативом – “мучительно и осточертело (I’m sick and tired) внимать чванливым и дерганым демагогам... замучили и задолбали свинорылые задрюченные политиканы... достали эскапады наглых эгоцентричных примадонн”... (от авторов): *И “им” все та же участь! Как меланхолично произносит наш общий знакомый – “бабиёс-с-с”.*

В отличие от многих и многих обитателей “креативного рая” творческим индивидам, к счастью, есть куда при случае хорошенько занырнуть, хоронясь от жестких излучений медийной среды (“закрыться в свой панцирь” по Лунгину). И это самое “куда”, понятно, – сфера профессионального творчества. Конкретно же для нынешнего Павла Лунгина эта последняя, с одной стороны – актуальное кинопроизводство, с другой – зона обсуждения уже созданных картин. После выхода в свет “Дирижера” первый из упомянутых аспектов на сегодня сводится к творческим планам в отношении “Пиковой дамы” в сценарной интерпретации Дэвида Сэндлера; в контексте нашего рассмотрения основная интрига при этих планах – в подтверждении (или, напротив, неподтверждении) доселе “генеральной линии” на фильмы типа “Свадьбы”, “Острова” и “Царя”. Что же касается аспекта обсуждения, именно кино “генеральной линии” вполне ожидаемо оказалось – и, собственно, продолжает оказываться – в фокусе людских мнений. Различие между отдельными фильмами при этом проявляется в том, что если, например, обсуждение “Царя” в блогах больше смотрится как полемика, как “ломка копий”, то равнодействующая форумных страстей по “Острову” благополучно вырывается на “зрительский успех” фильма.

Стоит привести в этой связи объясняющее мнение автора фильма: “Когда я делал “Остров”, в общем не думал, что люди будут его смотреть. Но оказалось, что огромное количество людей несчастливо в навязанном им имидже счастливой победительной жизни”. И далее: “Мне кажется, у того же “Острова” такой успех случился потому, что огромное количество людей в России оказались несчастливо. Они бросились на фильм, как на витамин”. Мельман не остается в стороне от высокой авторской самооценки и присовокупляет к ней свою, не менее пафосную: “Да. С “Островом” вы попали. У каждого из нас в душе есть тяжелейшие грехи, но все молчат. А вы сказали”... (от авторов по высказыванию впечатлительного Мельмана): *“Я в восхищении! Мы в восхищении, королева!” ... Что-то где-то напоминает. Ну куда без классики!*

Отдадим должное кокетству Павла Семёновича в отношении того, что “не думал, что будут смотреть”. Тогда, в 2006 году, его оптимизм буквально про-

шивал телефонную трубку, ожидания его (по-умному, экспектации), помнится, были чрезвычайно высоки, на грани предвкушения триумфа, и народ бодро – с уверенностью в конечном результате – скликался на просмотр. Мы так просто, с подачи Пашки, тотчас рванули в “шоп” и купили вождеденную кассету. С фильмом “Свадьба”, кстати, ничего подобного не было. Такая раскрутка, действительно, дала эффект: кого ни спроси, тогда же все и смотрели... Правда, на вопрос “ну как?” ответы, в частности мужиков, звучали все больше в философской манере – фильм, типа, сложный, проблемы, вроде, непростые... На вопрос “ну тогда о чем?” следовало в духе “ну о жизни, о превратности судеб, о божьем промысле”, “в монастырь приводит господь за руку” и т. п. Позитивно в целом, но на массовый психоз, пожалуй, не тянет. Другое дело – наши жизнерадостные тетки, особенно, что погламурней: “Лунгин супер! После этой своей “Свадьбы” сделал действительно замечательный, русский фильм... О чем? Ну как, – о красивой русской природе, о северных наших монастырях”... Ну что тут скажешь? – с тетками не поспоришь. И не соскучишься! Особенно с жизнерадостными... И возвращаясь к откликам: ведь узнаваемо – и то и другое! Достаточно, вон, пройтись по продвинутым (“релевантным”) форумам интернета. А то что к “гласу народа – гласу божьему” Мельман присовокупил в смысле “все молчат, а вы сказали”, – так на то он и “шаман”. При таком раскладе с формулой “народ несчастлив, поэтому успех и случился”, пожалуй, трудно не согласиться. Соответственно, и насчет упомянутых Лунгиным “витаминов” с медицинской точки зрения опять же не поспоришь – коль народ занедужил.

По поводу киношных успехов и провалов позволим себе отвлечение на далекий 1981 год: тогда один из нас (Е. Р.) с Лариской Смирновой (бывшей одноклассницей) пошел в Лужники на “Репетицию оркестра” Феллини... Ну и что, через 5 минут после начала народ дружно ударился в исход и где-то к середине картины вполне иссяк – так что мы в зале остались буквально вдвоем (хоть на батуте пляши!). С интересом, однако, досмотрели фильм, хотя и возник вопрос: а мы, эти самые двое, свидетели чего – успеха или провала? Понятно, тех, кто ушел, спрашивать впустую (как убежденных свидетелей провала), но вообще-то ситуацию можно видеть по-разному. Так вот – лично мы настаиваем, что случился даже не успех, а триумф, а Феллини тогда, соответственно, не просто мэтр, а гений. То есть – ну есть же кино не для тети Моти (!) и должно же это обстоятельство небанальным образом подтверждаться... Отсюда и пустой зал – ну право же, гений!

Однако вернемся в родные постперестроечные. ... Вот Павел Семёнович, полуопустив веки (так на экране), благосклонно внимает даже самым благоглупым версиям в отношении “Острова”. Расслабленная “всеядность” одного и “витаминные” проблемы других налицо. Соответственно, все происходящее – откровенно непритязательное, неподиумное действие. Но это не так. Потому как вот это самое – и есть виктория! Точнее, один из сценических образов победы – победы Замысла над его Неприятием. И именно в такого рода победе лично нам и видится истинный успех “Острова”. То есть некий замысел в итоге не был отвергнут. Хотя и мог бы, если бы массовый наш зритель оказался более подготовлен, более искусен, более приучен обращать внимание на знаковые моменты сюжетов. Сам же Павел Лунгин, будучи профессионалом, в вопросе сюжетной основы, оказывается, предельно точен, что и озвучивает в интервью: “Конечно, многое идет от ума. И сюжет – это всегда конструкция”. Можно к этому лишь добавить, что она же (эта “всегда конструкция”) – ни много ни мало смысловый каркас творческого проекта. А это очень, очень серьезно. Это деньги.

Если конкретно по “Острову”, в его “конструкцию”, например, заложена коренная метаморфоза обоих главных героев, причем метаморфоза противоположной направленности. Так, изначальный “плохиш” на поверку выбивается чуть ли не в святые старцы, тогда как жертвенный, казалось бы, “кибальчиш” на поверку оказывается вполне себе ловким малым, сумевшим не просто вывернуться из лап смерти, но, вписавшись далее в “соцсистему”, в итоге сделать серьезную карьеру. Предусмотрено в “конструкции” и то, что дочь “кибальчиша” не просто дочь, а больная падучей – то есть, по сути, терзаемая изнутри бесом. Понимай так, что замечательный с виду “кибальчиш” на поверку дал ущербное (чуть ли не сатанинское) потомство. Что же касается па-

раллельно “святого старца”, он, хотя и исцеляет страждущих, но при этом как-то не ладит с попами.

Симптоматично также, что в одном из диалогов вводится упоминание об “истории с Авелем и Каином”. Ну и, наконец, конкретно указывается время действия фильма – 1976 год – при том, что само по себе действие это тягучее, угрюмое, *безысходное*.

Спрашивается – ну и что со всем этим делать? Если проигнорировать, “не заметить”, то и получится в духе мельмановских “тяжелейших грехов в душе”... либо в духе превратности судеб на фоне красивой северной природы... либо еще как-либо все в том же духе. А если не игнорировать? Не знаю, у кого как, а у нас Замысел и его воплощение с учетом сказанного выше вырисовываются так. Фильм “Остров” – это богоборческая (в контексте сюжета – антиправославная) инверсия библейской притчи об Авеле и Каине. С действием, приуроченным к построению развитого социализма в СССР (1976 год – 25-й “съезд брежневских победителей”), фильм с кошунственной по сути фабулой наряду с отрицанием моральных, мировоззренческих устоев несет зрителю также и сценически оформленный (угрюмость, безысходность, мрачность существования) антисоветский посыл... *Вот, собственно, и все. По сути-то, конечно, мелкие придирки. Шлифовка граней... А так – успех! Ну, несомненный успех!*

Фильм “Царь”, привнесенный следом на гребне успешной “островной” волны, был сконструирован опять же как притчевый – с глобальным (как в “Острове”) посылом и двумя крупноплановыми персонажами в качестве “Давида и Голиафа”. Одновременно он же подан как историческая драма времен 36-летнего Ивана Грозного. Эта двойственность (притча и одновременно историческое действо) добавило полярности в зрительских оценках. Так, апологеты притчевого посыла – **“то, что мы называем русской властью”, противно человеческой природе и царю небесному** – ожидаемо реагируют в стиле “Лунгин супер!”. Многие же другие (в том числе авторитетные историки, литераторы и церковные деятели) не просто с этим не согласны, но и, сверх того, нападают на антиисторичность и русофобию, в художественном же плане определяют картину как саркастический гротеск, бутафорию, лубок. Даже как откровенный китч.

Кстати, по формулировке посылки. Что касается первой ее половины (до запятой), она исходит от самого Павла Семёновича (см. alldayplus.ru/lifestyle “Грозный царь – грозное время”): “Иван Грозный во многом определил... то, что мы называем русской властью”... и от него же, рефреном чуть ниже – “... заложил основы того, что мы теперь называем русской властью”. Что касается второй половины (после запятой), в фильме “Царь” соответствующая символика возникает в знаменитой сцене с медведем: свирепый зверь терзает блаженную девочку (понимай Русь) и одновременно втаптывает в грязь ее икону (понимай религию).

Вообще по тематике “Царя” Павел Лунгин высказал немало любопытного, и мы здесь просто цитируем (источник см. выше): “Мне хотелось, чтобы фильм передавал достоверное ощущение веры, религии и власти XVI века. Поэтому приходилось много читать исторических источников, документов и научных трудов. И могу заверить: фильм достаточно близок к историческим реалиям. Например, все реплики Ивана Грозного, в основном, позаимствованы из его писем и воспоминаний. Мне было нужно максимально подробно воссоздать конструкцию русского Средневековья, насколько это возможно, конечно. Но все же “Царь” – не историческая монография или кандидатская диссертация. В первую очередь это интересное кино...” ..Как сказал бы в этом месте Горбатый в культовом фильме Говорухина: “Складно звонишь. Дальше...” Так вот, а дальше в центре “интересного кино” у Лунгина “гениальный” Петр Мамонов. Имея в виду “разобраться в психологии власти” (ни больше ни меньше!) и как результат сотворить “более личное кино” – по сравнению с “Иваном Грозным” Сергея Эйзенштейна – Лунгин рассчитывает “познать внутреннее состояние Ивана Грозного через его (П. Мамонова. – **Авторы**) душу”... Ну, нет нам преград! Вот бы еще и Мамонов со своей “душой” и брендовым ликом был бы лет на тридцать помоложе – для той же самой “достоверности” и “близости к историческим реалиям”... Впрочем, если дальше повернет к экранизации того, как **“то, что мы называем русской властью”** укрощало новгородскую “ересь жидовствующих” (соответственно, и к истори-

чески более раннему действию с Иваном III в главной роли) – фактурные аргументы Петра Мамонова, может, окажутся и более кстати.

На этой оптимистичной ноте можно бы и закруглить тему “Царя”. Паратройка серьезных вещей сказана (как мы это видим), и ладно. Если же буквально все препарировать – сценическую конструкцию пахан-братки-быдло как образ “тысячелетнего рабства”, методично педалируемый видеоряд с медведями, виселицами и дыбами, батальон “кающихся магдален” (только что из фитнес-центра), младую царицу в стиле подруги Прохора Петровича (из “Охоты на пиранию”), реплики центрального персонажа типа “И сотников и воевод всех на кол посажу!”, перегруженность действия символикой – легко и самим впасть в то, на что намек. В отсутствие чувства меры.

Единственно разве что, не удержимся напоследок про немца – того, что “леонардово” колесо к “делу” приладил. То есть, по символике Лунгина, немец с русским заодно, чуть коснись тиранства, попрания свобод, душегубства и т. п. А что так? Понятно, что спиннинг здесь закинут и в мутные воды Третьего рейха... Но ведь не только туда, но и во всю, почитай, историю той самой “русской власти”. Так, немецкие наемники совместно с русским войском буквально несколькими годами позже (в 1571 году) отважно отразили набег на Москву крымского хана Девлет-Гирея (знаменитое сражение у подмосковной деревни Молоди). В XVII веке и далее немцы конкретно утверждались в России (Кукуйская слобода и т. п.), за Россию же потом сражались и гибли. Соответственно, одним из столпов Дома Романовых стало со временем немецкое кастовое ядро, которое удерживало в государстве многие скрепы и которое радетелям тогдашних “свобод” и “прав человека” (так называемым западникам) вполне было за что невзлюбить.

Дьявол в деталях, а в кино детали – зачастую символы. И в этом смысле умное кино – всегда в какой-то степени “бал сатаны”. В принципе, рабочая, творческая для честолюбивого художника ситуация... Главное здесь, чтобы реально оценивать себя и свое творчество – через это и избежать дьявольского искушения на собственное бессмертие. К стыду ли своему или нет – уж как получится, Павел Семёнович.

* * *

Возвратимся, однако, к интервью. То, что формула “Сам в себе режиссер” имеет в виду “всем нам мудрец”, Александр Мельман как мог показал. А вот то, насколько эта же формула – свидетельство творческой и финансовой независимости Павла Семёновича, деликатно осталось за кадром. Наверно и правильно! – смотреть в светлое будущее следует ясным оком, сомкнув ряды и не заморачиваясь на спонсорские ложи. А в таком случае у нас ведь как? – “ежели который вчѐный” (то бишь, “сам в себе”, да еще и “режиссер”), ну и присоветуй ему наперед чего горячего, да на полный бак... Мы вот, к примеру, желали бы романтического триллера на тему Варфоломеевской ночи... или духовного изыска на предмет огораживания земель в период царствования Генриха VIII. Можно бы выступить и в освоенной Павлом Семёновичем тематике космического покаяния – скажем, соорудить притчу в стиле Тенгиза Абуладзе с местом действия в нынешней Грузии. Окрыленные спонсоры, надо полагать, наперегонки рванут в банки!

Есть, конечно, и приземленной чайня, да и к нашим краям поближе – ведь взывают же в блогосфере после просмотра “Острова” и “Царя” в том смысле, что “побольше бы таких фильмов”, “я весь фильм проплакала (типа – жалко Мамонова. – **Авторы**), хочу продолжения” и т. п. Со своей стороны, мы готовы подхватить иссякающий народный стон и предложить пару-тройку сценических идей. Так, один из вариантов, проходящий под условным названием “Архипелаг”, углубляет и одновременно масштабирует мировоззренческий посыл фильма “Остров” – с переносом действия в болота Сибири и солончаки Средней Азии. Другой проект проходит под условным названием “Отэц”; эта картина имеет в виду стать реинкарнацией фильма “Царь” для первой половины XX века – и предпочтительно с Геннадием Хазановым в главной роли. Наконец, третий проект с условным названием “Светлый путь” – картина о том, как молодой тракторист Прохор самоотверженным трудом поднимает из руин сперва родной колхоз, затем район и в конечном сче-

те область; в вознаграждение проявленной трудовой доблести к концу фильма Прохор, оставаясь все таким же молодым и статным, производится в герои Соцтруда и председатели Верховного Совета.

Ну а если серьезно – и при этом чисто по-человечески, – дал бы для начала роздыху себе Павел Семёнович, отвалился бы на месячишко-другой от своего “осеннего марафона”, от бесконечной этой виртуалитэ – ведь именно замороченность твоя и усталость проглядывают сквозь строки интервью. А наши болевые точки, наши кровоточащие раны – они не там, где ты роешь, хотя они всюду. Одна страна, два народа, один из них уроды – вот оно то самое в стране с тех пор, как дух Аллена Даллеса принял символическую капитуляцию от страны в холодной войне. И если в поверженной державе “не-уроды” и набросились когда на какой фильм “как на витамины”, то это скорее на говорухинский “Ворошиловский стрелок”. Комментировать, полагаем, не надо. Делать хорошо фильмы под условным названием “Уроды” у нас сейчас и крайне трудно, и небезопасно – да мы, впрочем, тебя и не призываем.

Но вот если хорошенько отдохнешь да прочухаешься, если на взбодренную-то голову включишь свое “думанье” на предмет “куда ты, с кем ты и зачем ты”, если далее действительно, Павел Семёнович, в своем творчестве (да при твоей-то крепко набитой руке!) решишься на сакральный для России “мессидж”, если и впрямь замахнешься на глубокий и актуальный для нее философский изыск – мы-то как раз не против. И даже вполне “за”!